

Ондрей Мархевски

**ВЗГЛЯД ИЗ СЛОВАКИИ НА ИЗУЧЕНИЕ
ФИЛОСОФИИ РУССКОГО НАРОДНИЧЕСТВА
(П.Л. ЛАВРОВ: ДИСКУРС «КАБИНЕТА» И ДИСКУРС «УЛИЦЫ») ***

Ондрей Мархевски – кандидат философских наук, доцент, философский факультет. Прешовский университет. Словакия, 080 78, г. Прешов, ул. 17 ноября, д. 1; e-mail: ondrej.marchevsky@unipo.sk

В статье осуществляется анализ изучения в Словакии и Чехии социологических и философских взглядов русского народника П.Л. Лаврова как с исторической точки зрения, так и с учетом их современных интерпретаций. В первой части статьи автор дает краткий обзор словацких и чешских исследований, посвященных русскому народничеству. Во второй части статьи автор обращается непосредственно к фигуре Лаврова как яркого представителя народнического движения, но идеи которого в словацкой и чешской академической среде изучаются в недостаточной мере. Автор статьи отмечает, что для Лаврова движение между «кабинетом» и «улицей» проходило между двумя точками социального пространства, одна из которых олицетворяет «теорию», а другая – «практику». «Кабинетный» дискурс Лаврова построен на стремлении к объективности и научности, а его «уличный» дискурс отличают радикальность и нетерпимость к другому мнению. Такая «раздвоенность» отражает двойственность самого Лаврова: с одной стороны, он является ученым-исследователем, а с другой, он – революционер-радикал.

Ключевые слова: П.Л. Лавров, социология, философия, русское народничество, Словакия, исследование

Для цитирования: *Мархевски О.* Взгляд из Словакии на изучение философии русского народничества (П.Л. Лавров: дискурс «кабинета» и дискурс «улицы») // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2021. Т. 14. № 2. С. 153–166.

---

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта VEGA 1/0231/18 «The Drama of Freedom in the Russian Philosophical Thought of the 20th Century».

То, что прекрасно в кабинете, может не годиться на площади; то, что необходимо ученому, может быть вредно для общественного деятеля.

П.Л. Лавров

Введение

Вторую половину XIX – нач. XX в. можно называть Золотым веком русской мысли. Это время полное идей, многие из которых оказались сверхвременными и которые всегда будут значимы для человечества. Это вместе с тем и период, нанесший глубокие травмы русской и всемирной истории, среди которых самой чувствительной является революция 1917 г.

Вместе с творчеством В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова развивается сугубо секулярное мышление, цель которого – изменение России, изменение качественное и быстрое – революционное. Квинтэссенцией этого стремления становится русское народничество¹. Именно его изучению в словацкой и чешской академической среде мы посвятим первую часть нашего исследования. Особое внимание в статье уделяется одному из важнейших лиц народнического движения – Петру Лавровичу Лаврову. Эта тема рассматривается во второй части статьи. Лавров – один из важнейших представителей народничества, но в словацкой и чешской среде имеется очень мало исследований, которые были бы посвящены данному мыслителю. В современной российской научной среде это имя, как зачастую и имена других народников, сегодня не популярно и является, можно так выразиться, интеллектуально непопулярным.

Первую часть настоящей статьи можно назвать историографической, так как она представляет собой очерк изучения этого вопроса в Словакии и Чехии² вплоть до настоящего времени. И хотя статья посвящается русскому народничеству, считаем также важным в качестве наброска представить исследования русской философии как таковой в Словакии и Чехии, назвать, как уже было отмечено, тех, кто занимался этими исследованиями, и их важнейшие научные труды, но при этом не подавляя читателя статистическими и иными данными. Такой подход, на наш взгляд, позволит сориентировать читателя в общем контексте историко-философских исследований на эту тему и поможет, вместе с тем, лучше понять, какое место занимают исследования народничества в данной научной среде. Соблюдая определенный историографический подход, мы будем продолжать нашу работу на двух уровнях. Во-первых, мы представим исследование русской философии как таковой, во-вторых, сосредоточимся именно на русском народничестве. Как для первого, так и для второго уровня важной чертой будет являться 1989 г., когда в Чехословакии свершается так называемая «бархатная революция», имевшая большое значение для развития ис-

¹ См. об этом: *Зверев В.В.* Русское народничество. М., 2009; *Broda M.* Narodnickie ambiwalencje. Między apoteozą ludu a terorem. Łódź, 2003; *Pomper P.* The Russian revolutionary intelligentsia. Wheeling, 1993; *Rydzewski W.* Filozofia polityczna rosyjskiego narodnictwa. Kraków, 1988; *Walicki A.* Zarys Myśli Rosyjskiej od Oświecenia do Renesansu Religijno-Filozoficznego. Kraków, 2005.

² Хотя с 1993 г. Словакия и Чехия являются отдельными государствами, их совместная история имеет большое влияние именно на академическую среду, которая до сих пор тесно связана.

следований по философии и истории философии. С этого года мы и начнем наш очерк, выделяя общие характерные черты в исследованиях русской философии в словацко-чешской научной среде. Работы, касающиеся русской философской мысли, которые появлялись в огромных объемах до этого года, мы не будем оценивать, так как их анализ достаточно сложен и должен проводиться отдельно, учитывая идеологические запреты. На наш взгляд, исследование изучения русской и советской философии до 1989 г. – это задача для будущих времен. Чтобы решить ее, необходимы коллективные исследования, так как одному историку философии это не по силам³.

На данном этапе хотелось бы подчеркнуть еще раз, что этот краткий очерк является предварительным этапом для дальнейшего, более полного изучения народничества и наследия П.Л. Лаврова. Обратившись к исследованиям такого своеобразного направления русской мысли второй половины XIX и начала XX в., как народничество, мы уделим внимание также и рефлексиям до 1989 г., которые, с нашей точки зрения, необходимо должны быть здесь представлены. Что касается нашего стремления обратить внимание на исследование русской философской мысли как таковой после 1989 г. – это также попытка представить ученых, которые помогали преодолеть некоторые стереотипы и предрассудки, сопутствующие изучению русской мысли в академической среде Словакии и Чехии.

I

Об изучении русской философской мысли в Словакии и Чехии

В первую очередь нужно сказать о научной деятельности профессора Елены Греговой⁴, которая была ученицей кардинала-иезуита Томаша Шпидлика, автора феноменального произведения «Русская идея: иное видение человека». Ее исследования русского персонализма открывали и открывают новые горизонты и точки зрения на русскую мысль, прежде всего, религиозного направления. Она не только блестящий знаток русской мысли, но сумела объединить вокруг себя группу исследователей русской философии. Можно сказать, что именно благодаря ее деятельности на кафедре этики и моральной философии философского факультета Трнавского университета в г. Трнаве образовался настоящий центр систематического исследования русской религиозной мысли, постоянно действующий и развивающийся. Здесь работают такие историки русской философии, как Яромир Фебер⁵ или Петр Руснак⁶. Это центр, организующий систематические конференции,

³ Можно сказать, что в этом смысле уже несколько систематических шагов сделано авторами работы: *Feber J., Petrucijová J. Ruská filozofie a její reflexe v Česku a na Slovensku. Osstrava, 2015.*

⁴ *Hrehová H. Transcendentálne hodnoty, reflexie o zle a dráme slobody v ruskej filozofii 19. a 20. storočia. Bratislava, 2020; Idem. Konceptia etického systému V.S. Soloviiova a jej využitie v morálnej teológii // Viera a život. 2004. Roč. XIV. Č. 3. S. 269–286.*

⁵ *Feber J., Hrehova H., Rusnák P. Man between sacrum and profanum in Russian philosophy in 20th century. Berlin; Bratislava, 2019; Feber J., Petrucijová J. Op. cit.*

⁶ *Rusnák P. Pravda, veda, symbol (Úvod do myslenia P.A. Florenského). Trnava, 2008; Rusnák P. Icona Florenskiana // Miscellanea doctorandica I. Výzkumy doktorandů uměnovědných a uměnovýchovných oborů. Olomouc, 2004. S. 116–118.*

подготовку кандидатских диссертаций по вопросам русской философской мысли. Стоит отметить также развитие тесного научного сотрудничества с философским факультетом Университета Константина Философа в г. Нитра. Здесь изучением русского персонализма занимаются Томаш Пружинец⁷ и Ян Галло⁸. Среди авторов, которые систематически занимаются исследованием русской философии, необходимо сказать о профессоре Златице Плашиенковой⁹ из Университета имени Я.А. Коменского в Братиславе.

Благодаря богатой переводческой деятельности и историко-философским исследованиям Яна Коморовского¹⁰, наследие Вл. Соловьева стало хорошо известно в словацкой и чешской академических средах. Можно сказать, что именно Соловьев является самым известным русским философом. Среди работ, посвященных Соловьеву, свое особое место имеет монография Ирины Дудинской «Философия всеединства Владимира Соловьева»¹¹, которая была опубликована философским факультетом Прешовского университета в 2005 г.

Говоря о том, что Соловьев является самым популярным и известным русским философом, необходимо добавить, что вместе с тем широко известны также произведения Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского и Ф.М. Достоевского. Этим мыслителям изучают Андрей Червеняк¹², Франтишка Каутман¹³ и также Петр Греча¹⁴. Тематически особо интересной является монография Владислава Дудинского «Антропокосмические мотивы в русской философии»¹⁵. Она появилась в печати в 2002 году и посвящена вопросам космизма в произведениях Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева и В.И. Вернадского. Эти вопросы редко анализировались в словацкой и чешской интеллектуальной среде, хотя они хорошо известны в России, о чем свидетельствуют, например, «Федоровские чтения».

Если вести речь об особых явлениях словацкого и чешского восприятия русской философии, то необходимо сказать о проекте журнала под названием «Тихая вода». Образован он был в начале 90-х гг. XX в. Эриком Грохом, Валерием Купкой и Юлиусом Рибак. Они стремились в новое время, период после революции, представить новые идеи и новое мышление, и в том числе также русские идеи. Появился перевод фрагментов текстов П.А. Флоренского и М.М. Пришвина. К сожалению, этот проект не имел продолжения.

Судьба журнала «Тихая вода» побуждает нас обратить внимание на публикации в журналах, и увидеть здесь некоторые тенденции в исследованиях русской философии. Самыми важными журналами – по всем научным индексам – являются журнал «Философия» (в Словакии) и «Философский журнал»

⁷ *Pružinec T.* Viviparia ruskej personalistickej filozofie. Nitra, 2018.

⁸ *Gallo J., Pružinec T.* Berďajev – Frank – Il'jin: traja myslitelia ruskej personalistickej filozofie. Nitra, 2018.

⁹ *Plašienková Z.* Nikolaj O. Losskij // *Dejiny etického myslenia v Európe a USA.* Bratislava, 2008. S. 804–812; *Плашиенкова З.* Современные рецепции русской религиозной мысли в Словакии (на примере анализа творчества Яна Коморовского) // *Философский полилог.* 2017. № 2. С. 101–118.

¹⁰ *Komorovský J.* Solovjov a ekumenizmus. Bratislava, 2000.

¹¹ *Dudinská I.* Filozofia všejednoty Vladimíra Solovjova. Prešov, 2005.

¹² *Červeňák A.* Dostojevského sny: eseje a štúdie o snoch Dostojevského. Pezinok, 1999.

¹³ *Kautman F.* F.M. Dostojevskij. Věčný problém člověka. Praha, 2004.

¹⁴ *Grečo P.* Revolúcia, demokracia a masová kultúra. K antropologickým a politologickým aspektom filozofie Nikolaja Berďajeva. Poprad, 2013.

¹⁵ *Dudinský V.* Antropokozmické motívy v ruskej filozofii. Prešov, 2002.

(в Чехии). Если смотреть на содержание этих журналов после 1989 г., то о «Философском журнале» можно сказать, что он слишком мало внимания уделяет анализу русской философии. Если встречается информация о русской мысли, то это, прежде всего, рецензии к переводам произведений русских философов на чешский язык. Журнал «Философия» опубликовал несколько статей, посвященных русской философии, авторами которых являются исследователи, о которых мы уже писали. (Надо сказать, что эти статьи не касаются никаких дискуссий, которые обычно инициируются главными статьями журнала и которые публикуются как отзывы на эти статьи). Необходимо отметить монотематический номер этого журнала (8/1995), который был полностью посвящен философской интерпретации наследия Ф.М. Достоевского.

С точки зрения исследования русской философии важное место занимает журнал «Вербум», полное название которого – «Журнал христианской культуры». Надо сказать, что к этой традиции журнал подходит последовательно, что воплощается в содержании каждого номера. Журнал представляет собой пространство для публикации переводов фрагментов работ русских мыслителей, таких как А. Мень, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой. В нем публикуются эссе и научные статьи по истории русской философии, авторами которых являются уже упомянутая Елена Грегова и Перт Гречо, уделяется внимание современным философским дискуссиям в России. Один из авторов, о котором мы пока не упоминали и который большинство своих работ по русской философии опубликовал именно на страницах журнала «Вербум», – это католический теолог Роберт Сарка.

Таким образом, можно сказать, что в словацком и чешском академическом пространстве большое внимание уделяется исследованию русской религиозной мысли, и заметим, что это совсем не удивительно, если иметь в виду ценность русского персонализма. Состояние же исследований секулярной русской общественной мысли находится в другом положении – как предмет изучения оно не вызывает подобного интереса.

Русское народничество в словацких и чешских исследованиях

Переходя ко второй историографической линии нашей статьи, – к русскому народничеству и его исследованиям – мы опять будем пользоваться границей 1989 г., но считаем при этом необходимым представить характер изучения этого явления как до, так и после 1989 г. Говоря об особенностях изучения русского народничества после 1989 г. можно коротко сказать, что в систематической форме оно почти не присутствует. Время до 1989 г. воспринимается как период, в котором происходит идейная борьба между двумя мнениями – подходами к русскому народничеству.

Представителем первой линии и ее основателем был Томаш Гарриг Масарик (1850–1937). Его перу принадлежит первая история русской философии, написанная не русским автором. Мы имеем в виду его трехтомную работу «Россия и Европа»¹⁶. Масарик критически анализирует анархический и революционный пути ликвидации империи русскими демократами и социалистами. Предмет критики, – прежде всего, революционный путь изменения страны и русского общества. Масарик являлся сторонником реформистского

¹⁶ Об этом также: Маслин М.А. Русская философия как диалог мировоззрений // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 45.

подхода, он был убежден, что только этим путем Россию можно привести к настоящей гуманистической демократии. И этот подход Масарика явился отправной точкой для возникновения другого подхода к интерпретации народничества до 1989 г., который абсолютно не принимал исходные посылки Масарика и его интерпретацию в целом.

Й. Филипек в «Заметке автора» в начале своей работы с названием «Главы о творчестве Н.Г. Чернышевского»¹⁷ определяет две задачи своей работы, которые, позволим себе заметить, в основной мере отражают тенденцию других работ, или, точнее говоря, характер всего его подхода – оппозиции к Масарику. Филипек так пишет о задаче своей работы: «1. Внести вклад в слом заслона ябед и лжи, который стремятся поставить между нами и русской революционной культурой буржуазные журналисты и прежде всего Т.Г. Масарик. Открыть и опровергнуть их реакционерские аргументы об отсталости и несамостоятельности русской культуры (...). В связи с этим автор стремился показать российских революционных демократов исходя из их наследия и их оценок Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина как гениальных мыслителей. 2. Вторая задача, которую ставит эта работа, состоит в том, чтобы определить основы всей буржуазной линии оценки революционной демократии и революционной культуры как она была изложена Т.Г. Масариком» (Filipek, 1951, с. 7).

Кроме этих двух целей, которые по своей сути являются одной – критически преодолеть Масарика, формулируется заодно и цель рассматриваемого второго подхода, образующегося до 1989 г. Видно, что Маркс, Ленин и Сталин оказываются здесь цензорами того, что должно быть правильно и научно. Эти слова написаны Филипцом в связи с Чернышевским и касаются также его работ о других мыслителях-народниках: Герцене, Писареве, Белинском и Добролюбове. Читая эти работы, замечаем, что в них почти абсолютно отсутствуют ссылки на первоисточники – работы самих народников. Часто встречаем определенного рода пересказы важнейших идей народнических мыслителей. Не цитаты, а парафраза является основой аргументации историков философии этого периода. Важно также сказать, что редко обнаруживаются ссылки на конкретные работы, – очень часто указывается только том собрания произведений. Этот подход широко распространен даже у современных исследователей, но он не позволяет по-настоящему углубиться в наследие этих мыслителей. Отсутствует возможность исследовать метаморфозы идей, их генезис и трансформацию, которая часто связана с творческой деятельностью мыслителя-философа, включая народнических мыслителей.

В этом месте хотелось бы вспомнить опыт общения с рецензентом одной нашей статьи, которая была опубликована в сборнике конференции. Этот рецензент (называть его не имеет смысла, так как это всего лишь пример определенного поведения) критически высказался о том, что первоисточником являются отдельные работы автора, изданные в собраниях его сочинений. Указание на отдельные работы он считал искусственным умножением библиографических данных, так как эти работы находятся в одном объемном томе собрания сочинений. Здесь упускается из виду тот факт, что у множества известных русских философов было несколько разных изданий собраний сочинений, и что они составлены по-разному, не всегда включая все

¹⁷ Filipek J. Kapitoly o díle N.G. Černyševského. Praha, 1951.

произведения и исследования философа, что эти работы – это не главы монографии, а тексты, которые написаны философом на протяжении нескольких лет. Этим замечанием я бы хотел указать на то, что у нас часто не вполне верно воспринимается творчество русских мыслителей. Мы не хотим сказать, что это общий подход, но это одна из присутствующих ошибок.

Мы часто подчеркиваем, что авторы не углубляются в суть творческого наследия русских философов. Таким примером могла бы быть работа М. Яриша (1948) «Н.Г. Чернышевский»¹⁸, которая была опубликована в рамках издательского проекта «Кто кем является?». Яриш представил интересный биографический очерк о Чернышевском, показал значение Чернышевского для развития общественной мысли его времени, но при этом у него абсолютно отсутствует анализ первоисточников, отсутствуют ссылки на основные тексты Чернышевского. В случае Яриша мы можем утверждать, что научность здесь отсутствует, а работа является научно-популярной и очень упрощенной. Тома этого издания больше не представляют интереса, чтобы широко обсуждать те или иные вопросы.

Эта проблема – ненаучность и неспособность проанализировать первоисточники – присутствует также в объемной работе Фердинанда Боура «Н.Г. Чернышевский – философ-материалист и революционер»¹⁹ (1957). Эта работа также направлена против методологии и оценок Масарика. С Масариком и ему подобными, пишет Боура, «надо воевать» (1957, с. 6). Кроме антропологического вопроса, никакой другой мотив автором не проанализирован, хотя Боура замечает, что наследие Чернышевского богато.

Своеобразным контрастом (в положительном смысле) с упомянутой выше тенденцией предстает коллективная научная работа, составленная Ириной Меснянкиновой²⁰ (1979) в Праге, выпущенная в ознаменование 150-й годовщины со дня рождения Н.Г. Чернышевского. Авторы этой работы – ученые В. Раб, М. Манова и Й. Попелова. Статья последней представляет собой большой интерес в плане анализа эстетических взглядов Чернышевского. Этот коллективный труд содержит также работы советских ученых, таких как П.С. Шкуринов, В.С. Никоненко, Н.С. Козлов, Ш.Ф. Мамедов, а также работу одного из виднейших современных исследователей истории русской философии М.А. Маслина.

Задачи и предположения, сформулированные Филипцом, на которые мы ссылаемся выше, побудили нас заняться рассмотрением вопросов истории русской общественной и философской мысли. Помимо этого, стимулом было общее настроение времени, с которым мы не можем согласиться. Мы не согласны, прежде всего, с тем, что в большинстве примеров народничество исследовано только как один из периодов русского бунта и революционной деятельности. Это настроение присутствует как у Филипца, так и у Масарика. Выработать подход, который бы гораздо шире показал народническое движение и его проблемы, в том числе проблемы философские, стремился автор данной статьи в двух своих биографических работах, которые были опубликованы в 2015 г.²¹

¹⁸ Jariš M. N.G. Černyševskij. Praha, 1948.

¹⁹ Boura F. N.G. Černyševskij filosof materialista a revolucionář // Rozpravy ČSAV. 1957. Roč. 67. Č. 1. S. 1–88.

²⁰ K 150. výročí narození N.G. Černyševského. Praha, 1979.

²¹ Marcheviský O. Národnická filozofia (z) dejín v ruskom myslení 2. polovice 19. storočia. Prešov, 2015; *Idem*. Filozofia (z) dejín jadra ruského národnictva. Prešov, 2015.

II

Социально-философские взгляды П.Л. Лаврова: спор «теории» и «практики»

На первой странице пятнадцатого «Исторического письма» у П.Л. Лаврова под названием «Критика и вера» появляется фраза, которую мы взяли эпиграфом к этой статье. Движение между «кабинетом» и «улицей» есть движение между двумя точками социального пространства, одна из которых олицетворяет «теорию», а другая – «практику». Само это движение также, по нашему мнению, задает новый вектор в исследовании творчества российского народника. Как соединить между собой «кабинет» и «улицу», как поставить во взаимную связь два разнонаправленных дискурса – дискурс «кабинета» и дискурс «улицы»?

Дискурс «кабинета» у Лаврова – это дискурс «трезвости», «научности», «открытости», соединенный со всеми достижениями «субъективного метода». Главная задача «кабинетного дискурса» – пригласить читателя к дискуссии, оживить ее личным опытом и личными переживаниями. Опорой для Лаврова здесь является апелляция к естественнонаучному знанию. Напомним, что все естественные науки Лавров делит на «морфологические» и «феноменологические».

Морфологические науки, как определяет Лавров, это науки, «изучающие распределение предметов и форм, которые обуславливают наблюдаемые процессы и явления, причем цель этих наук есть сведение всех наблюдаемых форм и распределений на моменты генетических процессов»²². С другой стороны, существуют также *феноменологические науки*, – это науки, «исследующие законы повторяющихся явлений и процессов»²³. И далее Лавров поясняет: «К ряду наук феноменологических я буду относить: геометрию, механику, группу физико-химических наук, биологию, психологию, этику и социологию (курсив мой. – О. М.)»²⁴. Об исключительном положении социологии говорит следующая мысль Лаврова: «Эта важная и самая близкая для человека часть естествознания опирается на законы предшествующих областей его как на готовые данные, но свои законы отыскивает другим путем»²⁵. Это особое положение социологии среди естественных наук с точки зрения ее эпистемологических возможностей подкрепляется у Лаврова следующим высказыванием: «Что касается до обществознания (социологии), т.е. до теории процессов и продуктов общественного развития, то здесь почти все орудия физика, химика и физиолога неприложимы»²⁶. Несложно заметить, что, по Лаврову, социология как *теория продуктов и процессов развития общества* подкрепляется научными достижениями других наук, но только в том случае, если, к примеру, их инструменты недостаточно эффективны в отношении анализа отдельных, *частных*, событий, происходящих в обществе. Социология неспособна проводить свои исследования *простым синтетическим принятием того, что предлагают ей*

²² Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Избранные труды. М., 2010. С. 55.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 55–56.

²⁶ Там же. С. 55.

другие науки, так как у нее свой особый предмет изучения – общество и его развитие.

Что является самым важным для развития социологии, с точки зрения Лаврова? Ответ следующий: «историческое познание» как познание, которое радикально отличается от традиционного «теоретического познания», имеющегося у большинства наук.

Но если о социологии у Лаврова говорится, что она просто занимает особое место в структуре научного знания, то историю, по мнению русского мыслителя, следует рассматривать как науку особого разряда – как науку вне, или сверх всех наук. Ни одно социальное познание немыслимо без познания исторических событий. История как наука является необходимой для всех других наук, но особенно она необходима для социологии.

Лавров здесь дает следующее пояснение: «Откуда феноменология духа и социология черпают свои материалы? Из биографий отдельных личностей и из истории. Насколько ненаучны труды историка и биографа, настолько же не могут быть научны выводы психолога в обширнейшей области его науки, труды этика, социолога в их научных сферах, т.е. настолько же естествознание должно быть признано ненаучным в его части, самой близкой для человека. Здесь успех научности вырабатывается взаимными пособиями обеих областей знания... Для естествознания в его надлежащем смысле история составляет совершенно необходимый материал, и, лишь опираясь на исторические труды, естествоиспытатель может уяснить себе процессы и продукты умственной, нравственной и общественной жизни человека»²⁷. И далее он прибавляет: «[Давайте] будем рассматривать историю как процесс, который составляет предмет изучения для истории как знания»²⁸.

Размышления Лаврова об истории мы бы могли уточнить следующим вопросом: к чему мы должны стремиться в истории? Ответ на этот вопрос можно найти в третьем «Историческом письме», где Лавров пишет буквально следующее: «[надо стремиться к] критической выработке нравственного идеала, наиболее рационального, и о построении науки прогресса – истории – на основании этого идеала»²⁹. Эта идея указывает нам на чрезвычайно важное положение истории в структуре наук и человеческого знания.

У историософской концепции Лаврова есть два важных пункта – нравственный идеал и прогресс. Нравственный идеал основан на критическом исследовании истории, а также на понятии «потребностей времени», и никогда не может быть единственно правильным, он всегда результат своего времени (в случае Лаврова – России второй половины XIX в.). Эту мысль выражает также следующая заметка: «нравственный идеал истории есть единственный светоч, способный придать перспективу истории в ее целом и в ее частностях»³⁰. Нравственный идеал является путеводным знаком, базой, фундаментом для определения того, что будет названо «прогрессом» или «прогрессивным». Прогресс – это то, что реально создается и влияет на общественную жизнь, исходя из нравственного идеала времени. Прогресс имеет также значение определенного инструмента, защитного светофильтра, через который можно смотреть в прошлое. Такой подход может предупредить нас от повторения ошибок, и заставить работать эффективно и успешнее, чем раньше. Лавров уверен, что мы просто обязаны

²⁷ Лавров П.Л. Исторические письма. С. 56.

²⁸ Там же. С. 58.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 294.

учиться у истории, если не желаем, чтобы следующие поколения считали нас неучами.

У Лаврова мы также находим и определение прогресса на основе нравственного идеала: «*Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости* – вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом»³¹.

Уличный дискурс или *дискурс улицы* – это совсем другой мир в интеллектуальном и творческом космосе Лаврова. В этом дискурсе, творческом мире, основными свойствами становятся *радикальность* и *нетерпимость к другому мнению*. Тут опять появляется определение нравственного идеала, но уже в другом виде и произнесенное с иным пафосом. Вот что, к примеру, Лавров пишет о социалистическом нравственном идеале: «Как только установлены эти начала социалистической нравственности, то все остальное вытекает из них как логическое следствие, и социалист, который не выводит этих следствий, выказывает лишь недостаток логической последовательности своей мысли»³². Об этом нравственном идеале мы можем сказать, что он абсолютно истинен и не подлежит критике или сомнению.

От этой позиции уже недалеко, буквально короткий шаг к декларации из работы «Социальная революция и задачи нравственности», где у Лаврова утверждается следующая мысль: «Местная, русская, задача: необходимость разрушить русское самодержавие как существенное препятствие выполнению задачи социалиста-революционера вообще»³³. Разрушать и не позволять себе и другим никаких сомнений, – это, на наш взгляд, лучшее определение свойства «уличного дискурса» Лаврова.

Действительно, у Лаврова мы встречаем какую-то раздвоенность, даже почти «шизофренического характера». С одной стороны, мы видим Лаврова-мыслителя, теоретика, создателя субъективного метода, а, с другой стороны, – Лаврова, радикала-революционера. Стремление соединить подобную разнополярность, наверное, у Лаврова вполне искреннее, но, на наш взгляд, удастся куда хуже, чем было задумано изначально. Лавров в некоторых моментах пытается как бы умышленно снизить себя, как теоретика, до уровня пролетарских и крестьянских масс: «Царство справедливости, которое мы обязаны установить, для которого не должно жалеть никаких жертв, из-за которого надо идти на неумолимую борьбу, есть царство всеобщего труда, труда на всеобщее благо. Кто же может создать его? Лишь те, которые и теперь исполняют завет его, те, которые трудятся. Следовательно, единственное основание будущего общества есть класс рабочих; единственные братья социалиста – работники и те, которые способны понять, что лишь труд есть основание справедливого социального строя»³⁴. Это слова, обращенные в сторону народа, который хочет менять общество, страну, Россию. Это ответ на письма из России с важным русским вопросом «Что делать?», и здесь Лавров очевидно проявляет себя как «уличный мыслитель».

Спор «теории» и «практики» у Лаврова, «дискурса улицы» и «дискурса кабинета» должен, в конечном итоге, привести нас к следующему вопросу:

³¹ Лавров П.Л. Исторические письма. С. 81.

³² Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности // Лавров П.Л. Избранные труды. М., 2010. С. 392.

³³ Там же. С. 441.

³⁴ Там же. 391.

или Лавров настоящий *радикал*, для которого идеи субъективного метода и все дискуссии, с ним связанные, – это своего рода *интеллектуальная по-казуха*, или это все же *мыслитель, философ*, самые лучшие гуманистические идеи которого просто «портятся» в конфронтации с суровой жизнью на «улице»? Мы не делаем окончательного заключения, окончательных выводов. Вопрос остается открытым для дальнейших дискуссий.

Список литературы

- Зверев В.В. Русское народничество. М.: РАСТ, 2009. 286 с.
- Лавров П.Л. Исторические письма // *Лавров П.Л. Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 41–296.
- Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности // *Лавров П.Л. Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 345–451.
- Маслин М.А. Русская философия как диалог мировоззрений // *Вопросы философии*. 2013. Т. 66. № 1. С. 43–48.
- Плашиенкова З. Современные рецепции русской религиозной мысли в Словакии (на примере анализа творчества Яна Коморовского) // *Философский полилог*. 2017. № 2. С. 101–118.
- Boura F. N.G. Černyševskij filozof materialista a revolucionář // *Rozpravy ČSAV*. 1957. Roč. 67. Č. 1. S. 1–88
- Broda M. Narodnickie ambiwalencje. Między apoteozą ludu a terorem. Łódź: Ibidem, 2003. 294 s.
- Červeňák A. Dostojevského sny: eseje a štúdie o snoch Dostojevského. Pezinok: Formát, 1999. 199 s.
- Dudinská I. Filozofia všejednoty Vladimíra Solovjova. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2005. 138 s.
- Dudinský V. Antropokozmické motívy v ruskej filozofii. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2002. 112 s.
- Feber J., Hrehova H., Rusnák P. Man between sacrum and profanum in Russian philosophy in 20th century. Berlin; Bratislava: Peter Lang; Veda, 2019. 216 p.
- Feber J., Petrucijová J. Ruská filozofie a její reflexe v Česku a na Slovensku. Ostrava: Vysoká škola banká – Technická univerzita Ostrava, 2015. 261 s.
- Filipec J. Kapitoly o díle N.G. Černyševského. Praha: Nakladatelství Rovnost, 1951. 99 s.
- Gallo J., Pružinec T. Berďajev – Frank – Il'jin: traja myslitelia ruskej personalistickej filozofie. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2018. 104 s.
- Grečo P. Revolúcia, demokracia a masová kultúra. K antropologickým a politologickým aspektom filozofie Nikolaja Berďajeva. Poprad: Mornár a syn, 2013. 201 s.
- Hrehová H. Konceptia etického systému V.S. Soloviova a jej využitie v morálnej teológii // *Viera a život*. 2004. Roč. XIV. Č. 3. S. 269–286.
- Hrehová H. Transcendentálne hodnoty, reflexie o zle a dráme slobody v ruskej filozofii 19. a 20. storočia. Bratislava: Post scriptum, 2020. 479 s.
- Jariš M. N.G. Černyševskij. Praha: Orbis, 1948. 30 s.
- K 150. výročí narození N.G. Černyševského / Ed. I. Mesnjankina. Praha: Univerzita Karlova, 1979. 157 s.
- Kautman F. F.M. Dostojevskij. Věčný problém člověka. Praha: ACADEMIA, 2004. 263 s.
- Komarovský J. Solovjov a ekumenizmus. Bratislava: Ústav pre vzťahy štátu a cirkvi, 2000. 123 s.
- Marchevský O. Filozofia (z) dejín jadra ruského národnictva. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2015. 232 s.
- Marchevský O. Národnická filozofia (z) dejín v ruskom myslení 2. polovice 19. storočia. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015. 186 s.
- Plašienková Z. Nikolaj O. Losskij // *Dejiny etického myslenia v Európe a USA* / Ed. A. Reišová. Bratislava: Kalligram, 2008. S. 804–812.
- Pomper P. The Russian revolutionary intelligentsia. Wheeling: Harlan Davidson, 1993. 241 p.

- Pružinec T.* Viviparia ruskej personalistickej filozofie. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2018. 108 s.
- Rusnák P.* Icona Florenskiana // *Miscellanea doctorandica I. Výzkumy doktorandů uměno- vědných a uměnovýchovných oborů.* Olomouc: Pedagogická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, 2004. S. 116–118.
- Rusnák P.* Pravda, veda, symbol (Úvod do myslenia P.A. Florenského). Trnava: FF TU, 2008. 155 s.
- Rydzewski W.* Filozofia polityczna rosyjskiego narodnictwa. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1988. 158 s.
- Walicki A.* Zarys Myśli Rosyjskiej od Oświecenia do Renesansu Religijno-Filozoficznego. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. 862 s.

A view from Slovakia on the study of Russian philosophical narodism (P.L. Lavrov: the discourse of a study and the discourse of a street)*

Ondrej Marchevsky

University of Presov. 1, 17 Novembra Str., Presov, 080 78, Slovakia; e-mail: ondrej.marchevsky@unipo.sk

The paper analyzes Slovakian and Czech studies of the sociological and philosophical views of such Russian narodniks as P.L. Lavrov from a historic point of view and in their relation to some contemporary interpretations. The first part of the paper provides an overview of Czech and Slovakian works on narodism in Russia. In the second part of the paper, the author discusses P.L. Lavrov as an outstanding representative of narodism, whose ideas have not received sufficient attention in the Czech and Slovakian scholarship. The author shows that the study and the street as two places in which Lavrov's thought developed were two points in the social space within which the former represented theory and the latter represented practice. Lavrov's discourse of the study is built on objectivity and scientific values, whereas his discourse of the street is characterized by radicalism and intolerance to different opinions. This duality in Lavrov's perspective reflects the duality of his character: on the one hand, he was a scientist and a researcher and, on the other, he was a radical revolutionary.

Keywords: P.L. Lavrov, Sociology, Philosophy, Russian Narodism, Slovakia, Research

For citation: Marchevsky, O. "Vzglyad iz Slovačie na izučenie filozofie ruskogo narodničestva (P.L. Lavrov: diskurs 'kabineta' i diskurs 'ulitsy')" [A view from Slovakia on the study of Russian philosophical narodism (P.L. Lavrov: the discourse of a study and the discourse of a street)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 2, pp. 153–166. (In Russian)

References

- Boura, F. "N.G. Černyševskij filozof materialista a revolucionár" [N.G. Chernyshevsky the philosopher and revolutionary], *Rozpravy ČSAV*, 1957, Roč. 67, Č. 1, s. 1–88. (In Czech)
- Broda, M. *Narodnickie ambiwalencje. Między apoteozą ludu a terorem* [An ambivalences of the narodism. Between apotheosis of peoples and terror.]. Łódź: Ibidem, 2003. 294 s. (In Polish)
- Červenák, A. *Dostojevského sny: eseje a štúdie o snoch Dostojevského* [Dostojevskis dreams: essays and papers about dreams of Dostojevsky]. Pezinok: Formát, 1999. 199 s. (In Slovak)

* The paper is an outcome of the research project VEGA 1/0231/18 «The Drama of Freedom in the Russian Philosophical Thought of the 20th Century».

- Dudinská, I. *Filozofia všejednoty Vladimíra Solovjova* [Vladimir Solovyov philosophy of absolute unity]. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2005. 138 s. (In Slovak)
- Dudinský, V. *Antropokozmické motívy v ruskej filozofii* [Anthropocosmic issues in Russian philosophy]. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2002. 112 s. (In Slovak)
- Feber, J. & Petrucijová, J. *Ruská filozofie a její reflexe v Česku a na Slovensku* [Russian philosophy and its perceptions in Czech and Slovakia]. Ostrava: Vysoká škola banká – Technická univerzita Ostrava, 2015. 261 s. (In Czech)
- Feber, J., Hrehová, H. & Rusnák, P. *Man between sacrum and profanum in Russian philosophy in 20th century*. Berlin; Bratislava: Peter Lang; Veda. 2019. 216 pp.
- Filipec, J. *Kapitoly o díle N.G. Černyševského* [Chapters about N.G. Chernyshevsky legacy]. Praha: Nakladatelství Rovnost, 1951. 99 s. (In Czech)
- Gallo, J. & Pružinec, T. *Berďajev – Frank – Il'in: traja myslitelja ruskej personalistickej filozofie* [Berdyayev – Frank – Ilyin: the three thinkers of Russian personalism]. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2018. 104 s. (In Slovak)
- Grečo, P. *Revolúcia, demokracia a masová kultúra. K antropologickým a politologickým aspektom filozofie Nikolaja Berďajeva* [Revolution, democracy and mass culture. On the anthropological and political science aspects of Nikolai Berdyayev's philosophy]. Poprad: Mornár a syn, 2013. 201 s. (In Slovak)
- Hrehová, H. "Konceptia etického systému V.S. Solovjova a jej využitie v morálnej teológii" [V.S. Solovjov's conception of ethical system and its application in moral theology], *Viera a život*, 2004, Roč. XIV, Č. 3, s. 269–286. (In Slovak)
- Hrehová, H. *Transcendentálne hodnoty, reflexie o zle a dráme slobody v ruskej filozofii 19. a 20. storočia* [Transcendental values, reflections on evil and the drama of freedom in Russian philosophy of the 19th and 20th centuries]. Bratislava: Post scriptum, 2020. 479 s. (In Slovak)
- Jariš, M. *N.G. Černyševskij* [N.G. Chernyshevsky]. Praha: Orbis, 1948. 30 s. (In Czech)
- Kautman, F. *F.M. Dostojevskij. Věčný problém člověka* [F.M. Dostoevsky. The eternal problem of man]. Praha: ACADEMIA, 2004. 263 s. (In Czech)
- Komorovský, J. *Solovjov a ekumenizmus* [Solovyov and ecumenism]. Bratislava: Ústav pre vzťahy štátu a cirkvi, 2000. 123 s. (In Slovak)
- Lavrov, P.L. "Istoricheskie pis'ma" [Historical letters], in: P.L. Lavrov, *Izbrannye trudy* [Collected works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 41–296. (In Russian)
- Lavrov, P.L. "Sotsial'naya revolyutsiya i zadachi nra vstvennosti" [Social revolution and role of morality], in: P.L. Lavrov, *Izbrannye Trudy* [Collected works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 345–451. (In Russian)
- Marchevský, O. *Filozofia (z) dejín jadra ruského národnictva* [Philosophy of (from) history of the core of Russian narodism]. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2015. 232 s. (In Slovak)
- Marchevský, O. *Národnická filozofia (z) dejín v ruskom myslení 2. polovice 19. storočia* [The narodism philosophy of (from) history in Russian thought of 2 half of 19 century]. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015. 186 s. (In Slovak)
- Maslin, M.A. "Russkaya filosofiya kak dialog mirovozzrenii" [Russian philosophy as a dialogue of cultures], *Voprosy filosofii*, 2013, Vol. 66, No. 1, pp. 43–48. (In Russian)
- Mesnjanikina, I. (ed.) *K 150. výročí narození N.G. Černyševského* [On the 150th anniversary of the birth of N.G. Chernyshevsky]. Praha: Univerzita Karlova, 1979. 157 s. (In Czech)
- Plashienkova, Z. "Sovremennye retseptsii russkoi religioznoi mysli v Slovačii (na primere analiza tvorčestva Jana Komorovskogo)" [Contemporary perceptions of Russian religious thought in Slovakia (on the example of Jan Komorowski)], *Filosofskii polilog*, 2017, No. 2, pp. 101–118. (In Russian)
- Plašienková, Z. "Nikolaj O. Losskij" [N.O. Lossky], *Dejiny etického myslenia v Európe a USA* [History of ethical thought in Europe and USA], ed. by A. Remišová. Bratislava: Kalligram, 2008, s. 804–812. (In Slovak)
- Pomper, P. *The Russian revolutionary intelligentsia*. Wheeling: Harlan Davidson, 1993. 241 pp.
- Pružinec, T. *Viviparia ruskej personalistickej filozofie* [Viviparity of Russian personalism in philosophy]. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2018. 108 s. (In Slovak)

- Rusnák, P. "Icona Florensiana" [Icona Florensiana], *Miscellanea doctorandica I. Výzkumy doktorandů uměnovědných a uměnovýchovných oborů* [Miscellanea doctorandica I. A researches of PhD students in brach of arts and humanities]. Olomouc: Pedagogická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, 2004, s. 116–118. (In Slovak)
- Rusnák, P. *Pravda, veda, symbol (Úvod do myslenia P.A. Florenského)* [Truth, science, symbol (Introduction to the thinking of P.A. Florensky)]. Trnava: FF TU, 2008. 155 s. (In Slovak)
- Rydzewski, W. *Filozofia polityczna rosyjskiego narodnictwa* [Political philosophy of Russian narodism]. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1988. 158 s. (In Polish)
- Walicki, A. *Zarys Myśli Rosyjskiej od Oświecenia do Renesansu Religijno-Filozoficznego* [The Flow of Ideas: Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance]. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. 862 s. (In Polish)
- Zverev, V.V. *Russkoe narodnichestvo* [Russian narodism]. Moscow: RAST Publ., 2009. 286 pp. (In Russian)